

*Ольга
Абисшева*

КАЗАХСКАЯ ПРОЗА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Вторая половина 1980-х – начало 2000-х годов – период подъема литературы. Особенно успешно развиваются эпические жанры (роман, повесть, рассказ), интереснейшие, богатые в жанровом отношении, вобравшие в себя добротные традиции отечественной и мировой классики. Казахская проза, развивая национальные традиции, вооружается опытом мировой литературы, становится более разнообразной в отношении художественных стилей и направлений. Особенно это проявилось в жанре романа, представленном в творчестве разных, порою очень непохожих художников. Но несмотря на это жанр романа функционирует в контексте культуры как цельное явление, обладающее своим внутренним эстетическим и философским смыслом.

В казахской прозе последней трети XX – начала XXI веков можно выделить следующие жанровые разновидности романа и повести: философский роман, роман внутреннего монолога, исторический роман, роман-биография, историко-хроникальная и автобиографическая повести. Обратимся к наиболее значительным произведениям, внесшим серьезный вклад в развитие прозы последней трети XX – начала XXI веков, к жанровым разновидностям романа, к тенденциям в развитии повести и рассказа.

Анализ казахстанской прозы этого периода показывает, что роман – жанр синтетический, в известной мере аккумулирующий и обобщающий достижения других жанров. Свидетельством этого является взаимодействие и обогащение эпических структур и эпичность наиболее значительного произведения 1990-х годов – трилогии «Одинокая юрта» Смагула Елубая (1992) (часть 1 «Одинокая юрта», часть 2 «Молитва», часть 3 «Бренный мир»). Демократизация нашего общества и исчезновение партийной опеки способствовали тому, что вышли в свет произведения, авторы которых стремятся художественно осмыслить историю нашего общества во всем ее драматизме и трагизме. Сюжетную структуру романа предопределили трагические события начала XX века, исполненного многих тяжких испытаний. Насильственная коллективизация в казахских аулах, раскулачивание, ломка традиционного уклада степи являются темами трилогии С. Елубая.

Типологические свойства романа С. Елубая соотносятся с эпическими традициями, но это не эпос в его классическом варианте, а синтез эпического и психологического. Трилогия «Одинокая юрта» демонстрирует эволюцию казахской прозы, движение от социально-философского, свойственного эпосу, к синтезу эпических форм.

Переход к целостному восприятию действительности, от факта к обобщению в романе С. Елубая связан с активным обращением к истокам – к многовековому национальному художественному опыту, к народно-поэтическим традициям, мотивам фольклора, мифологии. Ощущается влияние различных жанрово-стилевых тенденций. Автор использует достижения исторического и психологического романов. В романе проявляется новое качество художественного историзма, сказывающееся в изображении героя и его эпохи. Характеры персонажей раскрываются в контексте трагической жизни степи после революции 1917 года. Человек трактуется как определенный микромир, в котором перекрещиваются конфликтующие эстетические, философские, социальные тенденции.

В современной литературе эстетической нормой становится стирание традиционных жанровых границ, возникновение межродовых связей. Трансформация эпических структур в произведении выражается во взаимодействии стиля и жанра. Жанр эпопеи «Одинокая юрта», с одной стороны, остается под знаком эпической литературной традиции, с другой стороны, выступает в новом обличье, трансформация проявляется в глубоко психологической индивидуальной стилиевой манере писателя. Эстетическая система произведения сформирована в соответствии с внутренними закономерностями исторического полотна, философско-онтологического романа и романа психологического. Это придает трилогии «Одинокая юрта» новое художественное качество. Художник предлагает читателю ощутить многогранность, сложность и противоречивость современного мира.

Трилогия «Одинокая юрта» С. Елубая убедительно показывает, что процесс становления современных жанровых модификаций прозы, особенно большой формы, в казахской литературе еще далеко не завершился, он входит лишь в новую полосу своего развития.

В эпических произведениях, составляющих цикл Елубая, неразделимо переплетаются бытие отдельного человека и жизнь народа, отмеченные социальными тектоническими сдвигами, трагическими историческими обстоятельствами. Осмысление жизни казахского аула (судьбы Хансулу, Шеге, Пахраддин-бия, Сырга, Суржекея, Булыша, Козбагара, Дау-апа, Балкии) в нем неотделимо от широкого временного исторического контекста. Произведения С. Елубая аккумулируют существенные особенности современного художественного мышления, на новом уровне раскрывают взаимодействие концептуальных и жанровых начал. Автор синтезировал эмоциональность, лиричность индивидуальных переживаний, широкую эпическую перспективу изображения, объективный анализ исторических событий и драматизм. Весь художественный мир произведений пропитан высоким интеллектуальным напряжением.

Модель исторической драмы, разработанная С. Елубаем продолжает, с одной стороны, национальные традиции казахской литературы (М. Ауэзов, А. Нурпеисов, Б. Майлин и др.), с другой – русской литературы (А. Толстой, М. Шолохов, О. Форш и др.). Она соприкасается с художественными исканиями и современ-

ной литературы именно своим концептуальным содержанием. Бытие народа и человека в историческом процессе – важная проблема романа.

Аул в романе «Одинокая юрта» – пространство действия, он становится обобщенным местом столкновения идеологических, морально-нравственных идей, в которые вписывается судьба казахского народа. Писатель еще в первом романе, входящем в трилогию, разработал методы эпического изображения, в дальнейших его частях углубил психологическую мотивировку. Исторические события здесь раскрываются как формирующие характеры персонажей, определяющие цену их поступков, морального выбора. Они беспощадно и жестоко разрушают прежнее Бытие. Накал моральных конфликтов, ярко проявляясь в романе, суггестивно передает мироощущение персонажей.

Художественный мир трилогии С. Елубая разнообразен. Здесь красочная палитра эмоций, объемная и разнообразная галерея образов, отзвуки конкретных исторических событий. Эпический размах произведения насытил сюжет суровыми испытаниями, выпавшими на долю казахского аула, в целом народа в годы революции и связанной с ней коллективизации.

Структура романа отличается многоплановостью, в ней выражаются точки зрения разных людей – попеременно раскрываются переживания. Цепочка событий, начинающаяся с приходом в аул большевиков и крушением традиционного уклада, объединяет в одно композиционное целое разные явления действительности – судьбы героев и народа.

На современном пространстве казахской прозы сосуществуют, тесно переплетаясь, две тенденции – философского и психологического романа. Этот тип представлен в тетралогии Аслана Жаксылыкова «Сны океанных», в которую вошли романы «Поющие камни», «Сны океанных», «Другой океан», «Дом суриката». Доминантная его черта – размышления, вовлекающие читателя в трудный поиск истины, рост субъективного начала, интеллектуализация – черты, развивающиеся в целом в мировой литературе.

Произведения А. Жаксылыкова занимают заметное место в панораме современной прозы Казахстана и, уверена, всего постсоветского пространства. Тетралогия можно назвать также романом внутреннего монолога. Жаксылыков-романист обогатил современную литературу новыми средствами анализа. В связи с произведениями этого художника можно отметить выросшую культуру психологизма, интеллектуализацию прозы. Новые ракурсы изображения позволили автору с большим многообразием передать переживания современного человека, создать своеобразный эффект непосредственности, позволяющий читателю взглянуть на поступки, мысли персонажа как бы «изнутри». В романах, входящих в цикл, отчетливо видны приметы разных периодов казахской истории XX века, противоречия, вызванные социальной конъюнктурой, конфликты времени. Персонажам Жаксылыкова присущи самоанализ, рефлексия. Как автор психологического романа, А. Жаксылыков внимателен к индивидуальному выражению личности, к импульсам подсознания.

В тетралогии А. Жаксылыкова проявляется сознательное стремление к новым романским решениям. Романы выделяются интенсивным эмоциональным пластом и интеллектуальным богатством. Исторический контекст дал автору возможность исследования метафизических проблем ответственности и смысла жизни, судеб на-

рода, живущего в маленьких степных городах и аулах, в конкретном пространстве социальных конфликтов. Автор стремится ввести своих героев в сферу главных проблем бытия. Он размышляет о духовных потенциях человека, показывает сомневающегося, колеблющегося, постоянно оказывающегося перед различными альтернативами героя (Жан, его друг Арман, старый Мугалим и его ученики, журналист, старик Жаксылык и др.). Призрак глобальных катаклизмов, инфляция духовных ценностей порождают гротескную картину мира. Рядом с героями действуют антропоморфные существа, наделенные человеческими чертами и качествами. А художественный вымысел находится рядом с социологическими и научными исследованиями катаклизмов XX века, но воплощенными иными, не документальными формами. Тетралогия глубока философскими рассуждениями о человеческой природе, морали, человеческом предназначении, истории нашей цивилизации.

Писатель раскрывает глубинные пласты сознания человека, погружает читателя в психологические комплексы, сны, видения. Героев Жаксылыкова обуревают лихорадочное стремление вырваться из тисков одиночества, преодолеть стену отчуждения. Художник исследует метафизические связи между реальностью и подсознанием.

Бахытжан Момышулы назвал роман Жаксылыкова космогоническим романом, романом-арманом, то есть романом-мечтой (еще одно определение жанра этого сложного психологического, метафизического романа). Как отмечает в предисловии Момышулы, «по-суфийски закодированные истины, по-даосски безграничные откровения, по-буддистски чистые подсказки уведут в томительные дали и, возможно, укажут Путь. И тогда человек, вникающий в смыслы книги Аслана Жаксылыкова, примется сам за дешифровку непростых значений и проведет внутреннюю аброгацию замшелых законов внешнего мира».

Своеобразные формы приобрело интеллектуальное изображение в романах «Круг пепла», «Тень ветра» Дюсенбека Накипова. Основанное на эллипсах лаконичное повествование позволяет автору актуализировать выражение подтекста, передать атмосферу интеллектуальных рассуждений, символических ситуаций и происшествий. В романах Д. Накипова возникает образ современного интеллигента, постигается смысл жизни человека. Определение прозы этого автора казахстанскими критиками В. Савельевой, Ж. Толысбаевой как постмодернистской явно недостаточно, требует уточнений. Н. Исина называет «Круг пепла» романом-интенцией. Фиксацию действий и внешних явлений писатель сочетает с психологическим анализом, эмоциональными ассоциациями.

* * *

Развитие казахской повести, по существу, соответствует общим тенденциям развития всей прозы, во многом повторяется широко используемый авторами психологический анализ, лирические интонации. Специфичными особенностями жанра являются конденсированная композиция, ограниченный круг героев. Философско-рефлектирующие элементы в современной прозе позволяют отойти от описательности, экстенсивных способов изображения, весьма заметных в литературе первой половины XX века. Процесс интеллектуализации прозы связан с тягой к выявлению острых нравственных и мировоззренческих конфликтов. Казахская повесть также претерпела заметные трансформации.

К лучшим произведениям этого жанра, в которых суггестивно предстает мир современного человека, относится повесть Толена Абдика «Разума пылающая война». Повесть эта представляет знаменательный, поворотный момент в казахской художественной прозе. В типологическом отношении она близка прозе А. Жаксылыкова.

Произведение Т. Абдика – это эстетически нескованная, свободная от каких-либо регламентаций проза. Зримая реальность, присутствующая в произведении многопланова и глубоко содержательна. Стремление автора к философскому осмыслению жизни, постижению законов человеческого существования, интертекстуальные связи романа с философской мыслью, отечественной, европейской и восточной, свидетельствуют о ярко выраженной философской традиции повести. Взаимодействие философской мысли с психологизмом в повести имеет много аспектов своего выражения. Это получает зримое воплощение в сюжете и монологах героев, в авторских отступлениях и т. д.

Ведущая роль в организации художественной структуры принадлежит философско-интеллектуальным размышлениям, психологической медитации. Повесть держится не на фабуле и не на хронологически последовательном изложении событий, поэтому она трудно поддается изложению. Она мозаична, фрагментарна, что также является заметной чертой постмодернистских текстов. Размышления о религии, философии, свободе, добре и его невоплотимости в мире органично вписаны в художественную структуру произведения Т. Абдика.

Повесть написана в форме дневника и писем. Темами и сюжетами ее являются коллизии, противоречия жизни, условия саморазвития, движения. Сталкиваясь с жизнью, герой романа улавливает, осознает какое-то роковое несоответствие между мощью, всесилием Бытия и бессилием человека, бесконечным течением жизни во времени и в пространстве и кратковременностью человеческого существования. Сознание этого несоответствия вызывает боль, страдания, будит мысль, приводит к обострению психологических неврозов. Сюжет повести составляют открытая и скрытая полемика, внутренние монологи и диалоги персонажа и его воображаемого собеседника. Главному персонажу книги присуще стремление к раскрытию высшей тайны. В письмах, которые он пишет, «прочитывается» драма бескомпромиссной и незащитной человеческой души:

«И Добро, и Зло – о, это умелые спорщики! Вряд ли кого-нибудь из их представителей ты сможешь в чем-либо переубедить. Каждый выступит во всеоружии самых веских доводов и глубочайших аргументов. И каждый из них выстраивает внутри великолепного Дома Господня свой маленький шалашик и удобно в нем располагается, провозглашая собственный рай в шалаше.

Но человеку, втиснутому в маленький шалаш, – как выпрямиться во весь свой рост? Согнутый и пригнетенный, я чувствую свое постоянное унижение, причины которого и названия не знаю. Маленькое, скверное, шалашовое унижение!»

В повести Т. Абдика множество цитат (Шекспир, Готфрид Бенн, Акутагава Рюноске, Абай, Бодлер, Достоевский, Ницше, Макатаев и др.) и отсылки к произведениям искусства. Столь открытое вторжение философской мысли в художественное произведение заставляет писателя прибегать к особой изощренности литературного языка, сознательной расстановке смысловых акцентов, преднамеренному замедлению сюжетного действия.

Приглядываясь к окружающей действительности, вчитываясь в дневники и письма, вдумываясь в размышления философов, автор все более убеждается в том, что многие ответы на мучавшие его вопросы заключены в самой жизни, в быту, складе человеческой психики, в сознании.

Проза Т. Абдика дает основания говорить о многомерности авторского отношения к персонажу, авторской позиции, воплотившейся в произведении. В повести «Разума пылающая война» присутствует мотив двойничества, имеющий истоки в прозе Гоголя и Достоевского. Это произведение – правдивая, беспощадная передача внутреннего мира героя, берущего на себя бремя жизни. Повторю, проза Т. Абдика вызывающе нетрадиционна, психологический анализ здесь сознательно изощрен.

Традиционные концепции повествования, композиции у Т. Абдика трансформируются в новаторские. Повести присуще прерывистое, фрагментарное движение мысли, рефлексия, многообразие и глубина человеческих переживаний. Художник размышляет об историческом прошлом, о настоящем человечества, а значит, и о будущем.

В структуре произведения главной оказывается линия испытывающего, анализирующего, изучающего современную жизнь сознания. Каждый отдельный эпизод, событие, глава содержат в себе определенную мысль – нравственную, психологическую, философскую. Рассмотрение произведения в широком художественном контексте убеждает, что оно наследует богатые традиции мировой культуры, мотивы творчества Гоголя, Достоевского, романной техники, именуемой «поток сознания» (Джеймс Джойс, Марсель Пруст). Именно поток сознания стал ориентиром для романа XXI века, и в частности прозы Т. Абдика. Как отмечает Т. В. Балашова, в романе «потока сознания» художник «стремился представить жизнь сознания во всей ее сложности, с максимальным приближением к процессу функционирования мысли, пред-мысли, интуитивных импульсов, не обретших еще четкого выражения. Складывается форма, отличная от прежнего романа-исповеди, и от романа с широким использованием внутреннего монолога: здесь, по сути, нет «объективно» изложенных событий, отброшена возможность сначала представить объективную картину происходящего, а потом ее осмысление героем». Повествование, фиксирующее поступки, действия персонажа, дополняется его яркими исповедями, внутренними монологами, размышлениями о морали и аморальности современного общества, об одиночестве человека, о добре и нравственности и т. п.

В современной литературе Казахстана художники расширяют экспрессивные возможности языка, ведут поиски новых средств образительности. Бытие человека в историческом плане, этические и психологические основы формирования личности, ее самовыражения – постоянные ориентиры в создании образа литературного героя.

Интересен жанр романа-биографии, представленный в творчестве известного поэта, прозаика Валерия Михайлова. Сам серьезный, глубокий поэт со сдержанной, глубоко индивидуальной лирической интонацией, Михайлов-писатель обратился к близким по духу, любимым именам в русской поэзии. Его перу принадлежат романы-биографии о Лермонтове («Один меж небом и землей»), Боратынском («Боратынский»), недавно увидел свет роман-биография о Николае Заболоцком («Заболоцкий. Иволга, леса отшельница»).

Лермонтов-личность, Лермонтов-поэт мне всегда казался неразрешимой проблемой литературоведения. Как возможно было, прожив всего двадцать шесть лет, достигнуть в литературе столь философских глубин?! И в столь молодом возрасте встать в ряд русской классики столь незыблемо и твердо? В книге В. Михайлова «Один меж небом и землей» поражают космическое видение жизни, проникновение в метафизические глубины лермонтовской лирики, в его размышления о жизни, смерти, об одиночестве человека, человеке как песчинке мироздания. И в то же время понимание лермонтовской поэзии как слияния, нерасторжимого единства с космосом, мировой жизнью.

В книге прослежена суть движения лермонтовского духа, постижение им жизни, прозрения поэта, его разочарований в идеях, утрате идеалов, в которые верил. Автор через стихи Лермонтова ведет читателя к пониманию того, как мятежный дух поэта приходит к постижению мира, к осознанию себя, своего истинного в нем назначения. Его стихи не только заставляют задуматься о месте человека в мире, о смысле человеческой жизни, но и позволяют проникнуться особым настроением, дают возможность забыть о суете повседневности и задуматься об истинных человеческих ценностях.

К сожалению, книги (и научные, и художественные) советского времени о поэте жестко социологизированы, в них больше идеологии, а не анализа. Либо они содержат похвальные славословия. Но разве в них нуждается Поэт?

Валерий Михайлов внимателен к становлению духовного пласта лермонтовской поэзии. Автор прослеживает путь Лермонтова от ранней стадии развития самосознания личности до лирики зрелой. Для этого необходимо было изучить основные работы литературоведов, мемуары, дневники, письма. Это настоящий калейдоскоп разнообразных воспоминаний, в которых иной раз можно запутаться, – статьи, эссе, мемуары о поэте Петра Вяземского, Константина Леонтьева, Василия Розанова, Дмитрия Мережковского, Виссариона Белинского, Вячеслава Иванова и др.

Автор не просто цитирует современников, философов и критиков XIX–XX веков, а очень часто полемизирует с ними, сходясь, а чаще расходясь с ними в оценках, в прочтении лермонтовской поэзии.

Автору присуще деликатное, тонкое отношение к материалам. В науке сложилось негативное отношение к мемуарам. Литературоведы с неодобрением отзываются о воспоминаниях, посвященных разным художникам. Нередко биографии известных писателей, художников для пишущего служат лишь фоном, красивым обрамлением для демонстрации собственного эго. Мемуаристы, как правило, субъективны. Но они помогают осознать время, о котором идет речь. В. Михайлов, обращаясь к мемуарам, доносит до читателя пульс времени, бесценную подробность, деталь или частность.

Примечательно, насколько автор-поэт чуток к лермонтовскому слову. С какой радостью он окунается в стихию языка! Тонко анализирует отдельные вещи. Например, стихотворение «Есть речи – значенья...».

Не встретит ответа
Средь шума морского
Из пламя и света
Рожденное слово.

Помимо того что книга «Один меж небом и землей» – исследование, имеющее все необходимые для этого научного жанра качества: концепцию, анализ, добротность источниковедческой базы, это одновременно и художественный роман-биография, раскрывающий глубоко личное отношение к поэту. В нем чувствуется свое, интимное, личное переживание лермонтовской судьбы и поэзии: «Над ним гремела гроза, а не Скабичевский говорил надгробную речь, и синел Кавказ, а не петербургский туман. Какое счастье!» Особенно это касается финальной части книги, когда автор пытается раскрыть завесу тайной миссии, не свершенной Лермонтовым, угадать то направление, в котором развивались бы лермонтовская судьба и слово. К чему привели бы поэта мучительные поиски, куда приложил бы он разрывающую его силу?

«Богемная жизнь литератора-профессионала безнадежна мелка.

Военная деятельность была им осознана как нечто чуждое.

Представить Лермонтова примкнувшим к революционному движению 60-х годов невозможно.

Поэтическое уединение в Тарханах.

Монастырь, скит? Действительно, ноша затворничества была бы по плечу этому духовному атлету. На этом пути сила его могла бы найти для себя точку приложения. Слить художественное творчество и с духовным подвигом жизни, превратиться в пророка.

Если бы не Пятигорская катастрофа, можно представить Лермонтова-старца. И его стихи, где этика, религия, искусство сливаются в одно – мудрость, прозорливость и просветленное величие таковы, что все человечество взирает».

Книга Валерия Михайлова не осталась незамеченной, автор отмечен наградой Дома-музея М. Лермонтова, книга получила высокую оценку в профессиональной среде филологов и просто любителей русской словесности в России и на территории СНГ в целом. Она подытоживает многие наблюдения над лермонтовской лирикой. Перед нами – впервые за многие десятилетия – полноформатное исследование и полнокровный роман-эссе о Поэте. Думаю, книга «Один меж небом и землей» уже заняла достойное место в лермонтоведении.

Два других романа – биографии Евгения Боратынского и Николая Заболоцкого, созданные В. Михайловым, также пронизаны огромной любовью, удивительно тонким пониманием, знанием всех обстоятельств и фактов биографий, скреплены глубоко личным отношением к поэтам. Чтобы не скользить по поверхности, опущу эти вещи, потому что они требуют отдельного полновесного анализа, статью о них в скором будущем надеюсь опубликовать.

Повесть С. Муратбекова «Горький запах полыни» создает достоверную картину послевоенной жизни. Существенной чертой произведения является гармония лиризма и психологических размышлений. Мастер углубляется в вопросы формирования духовного мира человека, размышляет о том, как на подростка влияют окружающие люди.

В повести раскрывается картина эмоционально-духовного опыта подростка, горькие впечатления военных лет, пропущенные сквозь призму детского восприятия. В последующих повестях «Дикая яблоня», «На вершине Ушкар» автор также сумел убедительно предать индивидуальные движения человеческой психики.

Развитию казахской повести в этот период присуще стремление охватить сравнительно широкое тематическое поле. Авторы повестей используют динамический сюжет, объединяя в единое целое хронологически отдаленные, эмоционально неоднозначные аспекты реальности (Калихан Исакаев «Тупик», «Белые дожди», повесть в новеллах «Земляки»; Дулат Исабеков «Гаухартас», «Молчун», «Полынь», «На отшибе», «Транзитный пассажир», «Мы не знали войны»; Оралхан Бокеев «Человек-олень», «Осиротевший верблюжонок», «Крик», «Снежная девушка», «Отголосок юных лет», «Олиара», «Сказание о матери Айпаре»).

Весомый вклад в расширение художественных горизонтов повести внес Оралхан Бокеев. Автор внимательно наблюдает за моральными аспектами современного образа жизни, анализирует взаимоотношения жителей сегодняшнего аула. Писателю удалось согласовать эпическое нейтральное повествование с пронизательным аналитическим психологизмом. Философская проблематика повестей О. Бокеева от произведения к произведению усложняется. В повестях «Человек-олень», «Осиротевший верблюжонок», «Крик», «Снежная девушка», «Отголосок юных лет», «Олиара», «Сказание о матери Айпаре» наблюдается стремление анализировать человека в контексте общечеловеческих проблем бытия.

Один из самых надежных путей к познанию художественного мира писателя лежит через приобщение к внутренней теме его творчества. Она позволяет обнаружить интересующий его ракурс действительности, увидеть единство волнующих его жизненных проблем. Внутренняя тема писателя – размышления о человеке в «бесконечности времени и пространства». Бесконечность пространства – это вечная дорога жизни, которая не имеет ни начала, ни конца. Старик Дархан, герой повести «Поезда проходят мимо», прожил почти всю жизнь на маленьком затерянном в пустыне разъезде и проработал сорок лет путевым обходчиком на железной дороге. С молодости досталась ему сложная, трудная жизнь. А теперь, на старости лет, он одинок, детей у него нет, жена давно скончалась. Старика мучают тяжелые, тревожные мысли. Он строит для себя мазар, упорно и молча, – могилу из красного жженого кирпича. Строит основательно, добротнo, не торопясь, возле мазара Кенгира, своего знаменитого предка. Иногда, нарушая сонную тишину, проносятся по железной дороге поезда. Герой Бокеева – сильный, много видевший, много переживший человек. Он задумчив, сдержан, не привычен ни к порывам, ни к быстрым решениям. Писателем лаконично, но выразительно показана житейская умудренность, непреклонность, стойкость старика, в котором все надежно и крепко. О. Бокеев мастерски владеет словом, речевым искусством, пластическим многообразием языка. Его произведения открывают мир, населенный неповторимыми образами и характерами.

Лирическими интонациями, вниманием к психологическому рисунку и моральным основам личности отличается проза Саина Муратбекова. Изображая картины традиционной жизни аула с несколькими архаичными героями повествователь стремится показать непреходящие ценности, подчеркнуть индивидуальность человека. За внешне монотонной будничной жизнью – отпечаток народного бытия. Прозаик разрабатывает самобытные художественные модели действительности, обуславливаемые индивидуальным жизненным опытом, мироощущением, системой художественных средств. Если Т. Абдику наиболее близко движение сюжета, основанное на принципах психологического анализа, то повестям С. Му-

ратбекова присуще стремление шире отразить национальный опыт, появилась потребность оглянуться назад и не очень далекое прошлое, в художественной форме обдумать и осмыслить этапы национальной жизни, трагические периоды в национальной истории. Его произведения отличает узнаваемая субъективная повествовательная манера. В повестях выведены на первый план разные характерологические и социальные типы.

История, историческая память, исторические корни народного, национального характера – эти вопросы характерны для творчества А. Кекильбаева. В его произведениях обращают на себя внимание яркая самобытность, национальный колорит. Повести «Колодец» и «Состязание» включают в себя бытописание и легенду, строгий традиционный реализм и фантазию, постановку общих социально-нравственных вопросов и пристальное внимание к конкретно-историческим деталям и характерам. Автор использует народные легенды как художественный способ включения современной действительности в контекст общенационального и общечеловеческого. Мифотворчество, притчеобразность, параболичность – распространенные художественные приемы в творчестве А. Кекильбаева, которые берут начало в мировой литературе. Вглядываясь в глубину времени, художник воссоздает жизнь минувших эпох, уничтожая расстояние, вековую дистанцию.

Конечно, эти произведения разнятся между собой и по сюжету, и по тематике, но в них есть и безусловное общее, отвечающее национальной традиции, основанной на народной романтической образности. Проза А. Кекильбаева ориентирована на историческое переживание.

* * *

Интенсивно развивается в современной казахской прозе жанр рассказа. В первом типе рассказа в творчестве казахских прозаиков важное место отводится сюжету, интриге, действиям и поступкам героев. Эпическое соотношение с действительностью, разнообразная эмоциональная палитра присущи рассказам «Дедушка Сергали» Герольда Бельгера, «Пятьдесят восьмая статья» Когабая Сарсекеева, «Отец и мать Бейсена» Тулека Тлеуханова, «Запах молока» Калихана Искакова, «Архивная история» Мухтара Магауина, «На обочине» Толена Абдика, «Страж покоя» Дулата Исабекова, «Белый конь надежды» Рафаэля Ниязбека, «Бабье лето» Шарбану Бейсеновой, «Сказ о вороном» Берика Шаханулы. Эти художники также развивают лучшие традиции классиков национальной литературы М. Ауэзова, С. Муканова, Ж. Аймауытова. Традиционное реалистическое повествование опирается на чуткое отношение к повседневности, на динамическое развитие сюжета, запоминающиеся образы героев. Конфликты бытового характера, человеческих взаимоотношений изображаются на фоне картины жизни аула. Национальный колорит, особенности быта показаны густо, сочно. В рассказах казахских писателей встают картины быта жителей аула, повседневные заботы людей, анекдотичные эпизоды сопоставлены с драматическими переживаниями. Богатая галерея образов охватывает самые различные психологические типы.

В рассказах практически нет схематических ситуаций, упрощающих художественное воплощение темы, которые бы снижали достоинство произведений. Богатый и разнообразный материал, колоритные характеры создают Оразбек

Сарсенбай в рассказе «За пустынным горизонтом», Жумабай Шаштайулы в «Вершине Есбая», Кадирбек Сегизбайулы в «Последнем рывке».

В своих рассказах казахские писатели показывают людей, для которых внешний мир суть естественная, осмысленная совокупность бытия. Они относятся к жизни без претензий, стоически переносят невзгоды и удары судьбы. Авторы нащупывают невидимые нити, связывающие духовный мир человек с природой, животворной средой. Темой их произведений является жизнь жителей аула. От традиционного мира аула веет покоем, постоянством.

«Клич строптивного коня» Смагула Елубая, «Таласбай» Толена Абдика, «На обочине» Сабита Досанова, «Запах молока» Калихана Искакова, «Бабушкин самовар» Дидахмета Ашимханулы, «Песня» Софы Сматаева... Духовный мир персонажей казахских новеллистов – самостоятельная ценность, не требующая особого обоснования, рациональной мотивировки.

Рельефная картина казахского аула в рассказах писателей создается путем использования эпического повествования, построенного на причинно-следственных связях сюжета. Много внимания писатели уделяют тщательной мотивировке поступков своих героев, вскрывают их психологические стимулы. Оказавшись в сложных перипетиях, герои стремятся сохранить свое достоинство, духовную автономию.

Второй тип рассказа в казахской литературе свидетельствует о том, что малая форма в современной казахской литературе невероятно разомкнута. Авторы чувствуют перестройку жанра рассказав XXI веке, позволившую вместить в малую форму куда больше, чем прежде. Они создают рассказы, в которых двигателем сюжета является не событийная канва, не замысловатость сюжетного хода, но психологические обобщения, лирические рефлексии. Оригинальные художественные искания стимулируют развитие художественного слова.

Склонность к сложной, многоплановой трактовке жизни, детальному изображению современного аула присуща рассказу «Кумыс» Дукенбая Досжана. Фабула рассказа проста и прозрачна. По просьбе больного родственника герой рассказа едет на джайлау в аул табунщиков за кумысом. Герой вспоминает свое детство, картины жизни аула, давний кокпар, на котором победителем вышел его дядя, самый удалой кокпарщик. Он приезжает к бывшей возлюбленной своего дяди. Для женщины, несчастливой в своей женской судьбе, прожившей волею судеб врозь с любимым человеком, священный ритуал приготовления кумыса – это вся невыраженная словами любовь к нему. Вернулось на краткий миг отколовшееся прошлое, и пережитое заново вошло в настоящее, дав испытать минуту счастья.

Границы рассказа расширяются воспоминанием о прошлом, и картина приготовления кумыса превращается в поэтическое повествование о любви. С безошибочным и тонким чувством автор повествует о почти священнодействии постаревшей, но все такой же белолицей и стройной женщины в приготовлении кумыса для любимого человека. В этом рассказе без событий происходит нечто важное: после последней несостоявшейся встречи женщина, приехавшая навестить больного, совершает обряд прощания, выливая заботливо, с любовью приготовленный напиток из старинного кувшина, выточенного из красной джиды, на свежую могилу любимого человека.

Искусство подняться от прозы будничного существования к философским обобщениям является одним из главных секретов художественной системы Абиша Кекильбаева в рассказе «Возвращение». Одиноким безвестным человеком возвра-

щается домой с каторги. Далее следуют описания безлюдной пустынной степи, по которой идет человек. Он оглядывает ее, не отрывая глаз. Широкий простор степного пейзажа, блеклая от пыли степь, иссушающее солнце, жусан, корнями вцепившийся в землю, навевают душе путника радость, душевный покой. По мере продвижения по степи душа күйши медленно отходит от стужи сибирской ссылки, от лютых морозов и белой пороши чужой земли. К нему приходят горькие раздумья о жизни, воспоминания о семье, о сыне, которого ни разу не погладил по голове. Довольно продолжительный степной путь рождает в его душе мелодию, которая была «спокойная, умиротворенная, но в этот раз грустная, словно глубокий вздох печали». В юрте случайных людей, приютивших его по закону степей, он исполняет кюи – то печальные, то скорбно-возвышенные, то радостные.

Структура рассказа гармонически уравновешена. Степь в описаниях художника – это путь домой, но не только фон, но и своеобразный «персонаж» рассказа. И герой-күйши, и степь, и встретившиеся на его пути люди включены в бесконечную пространственно-временную цепь. Душа талантливого народного музыканта словно впитывает эмоциональные волны-сигналы, идущие от родной земли. Жизнь степи: дуновения ветра, переключки степных тушканчиков, вспомнившаяся картина старой охоты на степного волка – все в его душе оформляется в новую мелодию. Эта музыкальность, заложенная в самой степной природе, жизненная сила, таящаяся в душе күйши, его талант являются главными мотивами рассказа, построенного виртуозно, написанного сочным, колоритным языком. Существенной особенностью поэтики А. Кекильбаева является эмоционально-чувственная выразительность образной системы рассказа, суггестивное воздействие на читателя, способность заражать читателя определенными чувствами-переживаниями.

Рассказы второго типа выделяются своей архитектурой, особенностью разветвления композиционной системы. В них маловыраженная событийность, нет своеобразной скорописи новеллиста. В этих рассказах очевидна «разомкнутость», незавершенность сюжетного движения. Авторы отвергают каноническую композицию с сюжетной интригой, с четкой завязкой и развязкой. Современный казахский рассказ позволяет увидеть, как живет классическая традиция в современном писательском сознании.

Отечественная проза в современной жизни продолжает оставаться основной составной частью казахской (и шире, казахстанской) культуры, отражающей национальное самосознание. Она является определенным эквивалентом национального сознания, а художественные ценности, осмысленные в художественных произведениях писателей Казахстана, выражают общечеловеческую аксиологию. Литературе Казахстана присуще историческое самоощущение, тяготение к синтезу национальных и общеевропейских литературных традиций. Современные писатели (и молодые, и маститые) выступают проводниками нового стиля, современных жанровых форм, вписывая национальную литературу в мировое культурное пространство.

